

С.Н. Трубецкой

**Учение о Логосе в его
истории**

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
С11

C11   **С.Н. Трубецкой**
Учение о Логосе в его истории: Том 1 / С.Н. Трубецкой – М.: Книга по Требованию, 2015. – 466 с.

ISBN 978-5-458-05679-3

Докторская диссертация С. Н. Трубецкого посвящена понятию «логоса», возникшему в греческой философии и утвердившемуся в христианском богословии. Автор ставит цель выяснить, каким образом христианство, которое признает разум как объективное всемирное и сверхмирное начало, устроило это понятие для выражения своей религиозной идеи и насколько оно в действительности ей соответствует. «Имеет ли какой-нибудь разумный смысл человеческая жизнь, и если да, то в чем он заключается? Имеет ли разумный смысл и разумную цель вся человеческая деятельность, вся история человечества и в чем этот смысл и цель? Имеет ли, наконец, разумную цель весь мировой процесс, имеет ли смысл существование вообще?» – вот главные вопросы, которые ставит философ и дает на них ответ. Эти вопросы рано или поздно ставит перед собой и современный читатель. Труд С. Н. Трубецкого поможет ему лучше понять и себя, и интеллектуальное прошлое человечества, его значимость для настоящего.

ISBN 978-5-458-05679-3

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,

«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, кляксы, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ВВЕДЕНИЕ.

Понятіе Логоса связано съ греческой философієй, въ которой оно возникло, и съ христіанскимъ богословіемъ, въ которомъ оно утвердилося. Какимъ образомъ христіанство усвоило это понятіе для выраженія своей религіозной ідеи и насколько оно въ дѣйствительности ей соотвѣтствуетъ — вотъ историческій и философскій вопросъ капитальной важности, которому посвящено настоящее изслѣдованіе. Греческая культура и христіанство лежать въ основаніи всей европейской цивилизациі; каково внутреннее отношение этихъ двухъ началъ?

Въ наши дни въ новѣйшей протестантской исторіографії постоянно приходится встречаться съ мнѣніемъ, что раннее христіанское богословіе съ его учениемъ о Логосѣ есть продуктъ элленізациі христіанства, его замутнѣнія языческой стихіей, продуктъ своего рода ортодоксального эллинского гностицизма. Это мнѣніе высказывается въ связи съ отрицательнымъ отношеніемъ къ греческой философії, въ связи съ отрицательнымъ отношеніемъ къ умозрѣнію вообще. И оно высказывается въ связи съ новѣйшимъ антидогматическимъ взглядомъ на христіанство, согласно которому оно есть нравственное ученіе по преимуществу, а евангеліе Христа есть лишь евангеліе совершенной морали, обнимающей отношения человѣка къ Богу и ближнимъ.

Вѣрно ли такое пониманіе христіанства? Намъ кажется, что историческое изслѣдованіе идеи Логоса, которая проникаетъ уже въ первое и наиболѣе чистое выраженіе христіанства, въ Новый Завѣтъ, поможетъ намъ освѣтить этотъ вопросъ. И далѣе, справедливо ли отрицательное отношеніе къ греческой философії, къ умозрѣнію вообще? Намъ могутъ замѣтить, что это уже вопросъ оцѣнки, который не можетъ быть решенъ путемъ чисто исторического изслѣдованія, а долженъ составлять предметъ самостоятельного философскаго обсужденія. Но, какъ мы думаемъ, лишь историческое изслѣдованіе можетъ дать материаль и основаніе для правильной

философской оцѣнки. Идея Логоса, всемірного, божественного Разума, зародилась въ греческой философії. И тѣмъ не менѣе, есть ли эта идея лишь результатъ отвлеченного умозрѣнія, которое произвольно гипостазируетъ разумъ, какъ свое начало, и, отправляясь отъ формальной всеобщности логического понятія, признаетъ универсальный Логосъ божественнымъ началомъ міра? Есть ли эта идея Логоса лишь результатъ беспочвенного отвлечения, или же она есть также результатъ реального, духовнаго, нравственнаго опыта, пережитого и продуманного человѣчествомъ? Чтобы отвѣтить на эти вопросы, мы должны обратиться къ исторіи. Мы должны сперва разсмотрѣть идею Логоса въ ея возникновеніи въ связи съ развитіемъ греческаго умозрѣнія, а затѣмъ — тѣ главнѣйшіе факты, которые послужили основаніемъ для христіанскаго ученія о Логосѣ, т.-е. общую исторію Слова Божія, исторію богосознанія въ Ветхомъ и Новомъ Завѣтѣ. Въ этомъ состоить наша задача. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы выполнить ее съ надлежащою тщательностью и полнотою, чтобы понять христіанскую идею и христіанское ученіе во всей ихъ оригинальности, во всемъ ихъ отличіи какъ отъ греческихъ идей, такъ и отъ національно-іудейскихъ вѣрованій и чаяній, мы должны будемъ, во-первыхъ, разсмотрѣть начатки богословской мысли въ религіозной философії греко-римскаго периода,— въ особенности въ ученіи Филонаalexандрийскаго, столь повлиявшаго на послѣдующую патристику и впервые попытавшагося ввести идею Логоса въ истолкованіе Ветхаго Завѣтѣ; а во-вторыхъ, прежде чѣмъ перейти отъ Ветхаго Завѣтѣ къ Новому, мы должны будемъ разсмотрѣть религіозную атмосферу еврейства въ эпоху Спасителя, изслѣдовавъ мессіаническую чаянія еврейской апокалиптики и тѣ дѣйствительные начатки гностицизма, которые мы въ ней находимъ.

Отрицательное отношение, къ умозрѣнію, смѣнившее собою крайнее увлеченіе отвлеченной философіей первой половины нашего вѣка, начинаетъ уступать място критическому изученію. Но все же, въ общемъ, господствуетъ недовѣріе и предубѣждение. Исторія философії, исторія идей должна ихъ разсѣять, и безпристрастная мысль должна признать необходимость умозрительной* философії.

Идея Логоса несомнѣнно зародилась въ метафизикѣ, но съ тѣмъ высшимъ умозрительнымъ интересомъ, который представляеть эта идея, несомнѣнно соединяется и практическій

интересъ самаго глубокаго нравственнаго значенія. Имѣеть ли какой-нибудь разумный смыслъ человѣческая жизнь, и если да, то въ чемъ онъ заключается? Имѣеть ли разумный смыслъ и разумную цѣль вся человѣческая дѣятельность, вся исторія человѣчества и въ чемъ эта смысль или цѣль? Имѣеть ли наконецъ разумную цѣль весь міровой процессъ, имѣеть ли смыслъ существованіе вообще? Это не умозрительные только вопросы, это самые важные практическіе, нравственные вопросы. Положительная наука не можетъ и не берется ихъ разрешать, но это еще не значитъ, чтобы они могли быть разрешаемы только вѣрою, безъ мысли. Ибо тамъ, где спрашивается о цѣли нашей дѣятельности и о разумномъ смыслѣ нашего существованія, тамъ разумъ имѣеть голость.

Всякая разумная, сознательная человѣческая дѣятельность заключаетъ въ себѣ подразумѣваемое утвержденіе скрытой цѣли человѣческаго бытія, молчаливое признаніе того, что это бытіе имѣеть положительный смыслъ и цѣль для меня или для другихъ — цѣль, достойную желанія. Безъ такой цѣли безсмысленна жизнь всѣхъ и каждого, безсмысленна исторія, безсмысленъ самый нашъ разумъ, какъ случай всеобщей безсмыслицы и какъ одно изъ средствъ для поддержанія нашего безсмысленного существованія. Безъ такой цѣли нѣтъ прогресса въ калейдоскопѣ явлений, въ эволюціи міра и человѣка, нѣтъ добра и зла, нѣтъ никакихъ нормъ вообще, даже логическихъ нормъ, ибо для дѣятельности самого разума исчезаетъ разумное основаніе.

До извѣстной степени самъ человѣческий разумъ однимъ фактомъ своего существованія протестуетъ противъ такого всеобщаго отрицанія разума. Я мыслю, значитъ есть смыслъ хотя бы въ моемъ мышленіи, есть разумно-обоснованная дѣятельность хотя бы въ сфере моей личной жизни. Но, спрашивается, что значитъ мой разумъ и какое мѣсто занимаетъ онъ въ общей природѣ вещей? Есть ли онъ лишь случай всеобщаго неразумія, дитя хаоса, случайно зародившееся въ определенный моментъ мірового движения, чтобы вновь угаснуть въ вѣчной ночи безсознательного, или же онъ есть отблескъ высшаго, вѣчнаго свѣта, безконечность котораго онъ отражаетъ въ своей формально-логической всеобщности? Есть ли разумъ начало и конецъ міра, или же — простой эпифеноменъ ничтожной части космического движения, незначительный и случайный эпизодъ безсознательного и безсмысленного, механическаго процесса? Ясно, что это не простой вопросъ умо-

зрѣнія, а жизненный вопросъ о судьбѣ человѣка и всего человѣчества.

Среди возрастающаго невѣрія нашихъ дней мы находимъ мало послѣдовательныхъ и безусловныхъ атеистовъ. Если вѣрующіе признаютъ *сущее, предѣльное Божество*, то большинство современныхъ атеистовъ сознательно или бессознательно вѣрить въ человѣка или въ человѣчество какъ въ *Божество становящееся*. Многіе современные мыслители, нѣмецкіе и французскіе, прямо высказывали такую вѣру; другіе, что то же самое, вѣруютъ въ *прѣдѣльное царство Божіе* безъ *настоящаго Бога*; большинство вѣруетъ въ прогрессъ, т.-е. не въ одну эволюцію, а въ поступательное движеніе человѣчества къ одной высшей разумной цѣли къ конечному идеалу блага. Безъ признания такой цѣли нельзя говорить о поступательномъ движеній, о прогрессѣ человѣчества, а признаніе такой высшей и всеобщей разумной силы предполагаетъ своего рода вѣру въ Прорицаніе. Въ самомъ дѣлѣ: что это за высшая цѣль, безусловно достойная *всебытія желанія*, искупающая всѣ жертвы, всѣ страданія исторіи? Это есть либо объективная прорицательная цѣль, положенная человѣку волею Творца, либо же цѣль, которую самъ человѣкъ ставитъ себѣ и своимъ ближнимъ: но въ послѣднемъ случаѣ, гдѣ ручательство что цѣль эта истинна, достойна желанія *всѣхъ людей*, гдѣ ручательство, что она достижима и что въ ней — искупленіе и оправданіе исторіи? Быть можетъ, впрочемъ, эта цѣль есть вмѣстѣ объективная и субъективная, не только положенная человѣку, но и предложенная въ немъ, въ его духѣ или разумѣ. Возможенъ и такой синтезъ: есть мыслители, которые признаютъ и *сущее*, и *становящееся Божество* и видятъ смыслъ міра въ воплощеніи Сущаго въ Становящемся — въ *боговоплощеніи* и *богочеловѣчествѣ*. Но какова бы ни была конечная цѣль человѣка и человѣчества, человѣческий разумъ не можетъ уяснить ее себѣ, а слѣдовательно не можетъ и уяснить себѣ существованія прогресса помимо умозрѣнія о самой природѣ и значенія разума.

Есть область, въ которой прогрессъ несомнѣнъ — область разума и познанія; здѣсь человѣчество идетъ къ одной определенной и ясной, достойной цѣли — къ истинѣ, и знаніе даетъ ему все большую и большую власть надъ природой; распространяясь въ массахъ, оно просвѣщаетъ, возвышаетъ, освобождаетъ ихъ, объединяетъ человѣчество единой культурой. Но развѣ наука можетъ составлять конечную цѣль человѣчества?

Развѣ можетъ она сама по себѣ дать человѣку полноту блага духовнаго и тѣлеснаго, преобразить человѣка и вполнѣ подчинить ему природу? Если нѣтъ, то не въ ней высшая цѣль человѣчества.

Человѣкъ не можетъ мыслить свою судьбу независимо отъ судьбы человѣчества, того высшаго собирательнаго цѣлага, въ которомъ онъ живеть и въ которомъ ему раскрывается полный смыслъ жизни. Индивидуальный человѣческий разумъ развивается и овладѣваетъ собою лишь въ общеніи съ другими существами; лишь въ такомъ общеніи онъ научается слову, которое есть для него не только способъ выраженія мысли, но и способъ мышленія, самообъектированія мысли; только въ общеніи съ ближними человѣкъ становится разумнымъ существомъ, актуально отличнымъ отъ безсловесныхъ, и убѣждается во всеобщемъ логическомъ значеніи своего разума. Конечно, самое общеніе людей предполагаетъ въ нихъ (потенциальную) разумность, способность взаимнаго пониманія; но разумъ дѣйствительный, актуальный, слагается лишь въ обществѣ и черезъ общеніе. Поэтому общество не можетъ рассматриваться какъ случайная сумма или вѣнчшій агрегатъ человѣческихъ личностей. Его члены взаимно предполагаютъ другъ друга, и если бы не существовало общественнаго цѣлага, то не могло бы существовать и этихъ членовъ, какъ разумныхъ личностей,— могли бы быть лишь животныя особи человѣческаго вида. Но вмѣстѣ съ тѣмъ общество не есть и простой естественный организмъ, въ которомъ части соединяются по безсознательнымъ физическимъ, химическимъ и биологическимъ законамъ: оно есть продуктъ „надъ-органическаго“, разумнаго развитія. Съ одной, стороны оно заключаетъ въ себѣ органическую, родовую основу личной жизни, а съ другой — оно есть сверхличное, разумное, нравственное цѣлое, продуктъ собирательнаго разума. На низшихъ ступеняхъ общественнаго развитія преобладаетъ безсознательное родовое начало, на высшихъ — общественные отношенія все болѣе и болѣе подчиняются сознательнымъ разумнымъ нормамъ. Такимъ образомъ эволюція личности и общества и ихъ разумный прогрессъ взаимно обуславливаютъ другъ друга. Какова же цѣль этого прогресса?

Съ эмпирической точки зрења видимой цѣлью исторіи является созиданіе совершенного общества; общественные союзы, появляющіеся отъ начала, вступаютъ во взаимное столкновеніе, въ общую борьбу за существованіе, въ которой выжи-

ваютъ наиболѣе прочныя, сильныя, жизнеспособныя организаціи, наиболѣе солидарныя, разумныя и культурныя. И такимъ путемъ возникаютъ государства. — Для многихъ мыслителей совершенное культурное государство, правовой, разумный союзъ людей и является высшему идеальною цѣлью человѣчества. Государство есть сверхличное нравственное существо, воплощеніе объективнаго, собирательнаго разума: это Левіаѳанъ Гоббса, земное божество Гегеля. Для другихъ государство является лишь ступенью въ объединеніи или собираніи человѣчества въ единое цѣлое, единое „Великое Существо“, le Grand Etre, какъ называлъ его Контъ. Разумная цѣль человѣчества не можетъ заключаться въ безконечномъ порожденіи борющихся, враждующихъ государствъ, чудовищныхъ левіаѳановъ, соперничающихъ въ величинѣ и разрушительной силѣ и пожирающихъ другъ друга. Великое Существо будущаго, истинное земное божество или божественное общество, должно объять все человѣчество и осуществить царство разума, мира и свободы. Оно одно можетъ служить конечною цѣлью человѣчества во всемъ его цѣломъ, и къ ней идутъ народы въ общекультурной работѣ своихъ государствъ, въ своихъ войнахъ, союзахъ, революціяхъ и реформахъ, въ своей промышленности, техникѣ, искусствахъ и наукѣ. Уже теперь человѣчество перестало быть отвлеченностью и стало реальною величиной, всѣ части которой находятся въ взаимной зависимости, во все болѣе и болѣе энергичномъ экономическомъ и политическомъ взаимодѣйствіи между собою; уже теперь ни одинъ народъ не замыкается въ узкия рамки национального существованія, но живеть и дѣйствуетъ въ одной всемирной политической аренѣ; уже теперь одна общеевропейская культура съ каждымъ днемъ сильнѣе и сильнѣе утверждаетъ свое нераздѣльное господство въ мірѣ, осуждая всѣ низшія, несовершенныя культуры на вымирание или перерожденіе. Конечное единство разумѣется еще весьма далеко. Несмотря на возрастающее общеніе и сближеніе народовъ, на усиливающуюся зависимость, ихъ вражда обостряется, ихъ вооруженія становятся все болѣе и болѣе грозными, хотя самая опасность взаимнаго истребленія будитъ всеобщую жажду мира и вызываетъ потребность въ разумной всечеловѣческой организаціи, обеспечивающей такой миръ. Но если бы конечная цѣль человѣчества лежала столь же далеко отъ настоящаго, какъ это настоящее — отъ того дикаго первобытнаго состоянія, съ котораго человѣчество начало свой путь, то и тогда человѣческое общество, какъ оно есть въ此刻, не имѣло бы права на существованіе.

въчество достигло бы своей цѣли. Тѣ, кто вѣрятъ въ прогрессъ и въ разумъ, видять въ мукахъ человѣчества родовыя муки и вѣрятъ, что оно породить изъ себя всечеловѣческое Великое Существо, которое осуществитъ въ себѣ конечный идеалъ.

Съ такой точки зреянія работа народовъ представляется какъ теургическая работа, а исторический процессъ, какъ длинный и мучительный теогонический процессъ, завершеніемъ котораго должно быть рожденіе послѣдняго высшаго божественнаго эона міра. Древнія теогоніи указывали начало этого процесса въ хаосѣ и тьмѣ, изъ которыхъ родились и первые боги народовъ; онъ протекаетъ черезъ рядъ эоновъ, черезъ поколѣнія борющихся боговъ, исполниновъ и чудовищъ, которые побѣждали другъ друга, царствовали и падали смѣняя другъ друга во власти надъ міромъ.

Въ этихъ образахъ, общихъ столькимъ народамъ, заключается какъ-бы естественный апокалипсисъ человѣчества. Народы олицетворяютъ себя въ своихъ богахъ, и апокалиптика видитъ ихъ въ образѣ чудовищныхъ многоголовыхъ звѣрей, воюющихъ между собою. Подъ этими миѳическими видѣніями скрывается первое непосредственное сознаніе реальныхъ силъ, борющихся въ историческомъ процессѣ, тѣхъ реальныхъ „потенцій“ исторіи, которая смѣняютъ, одолѣваютъ, но не упраздняютъ другъ друга до конца. Кто побѣдить въ послѣдней борьбѣ? Свѣтлые боги европейцевъ, побѣдившіе чудовищныхъ титановъ Востока и подѣлившіе между собою міръ? или возставшіе титаны, которые овладѣваютъ ихъ оружиемъ? или трудолюбивые nibелунги, подкопавшіе аристократическую Валгалу боговъ и героевъ? Въ какомъ образѣ явится Великое Существо грядущаго человѣчества? Въ образѣ одухотвореннаго Человѣка, „Сына человѣческаго“, который будетъ „пасты народы“, или въ образѣ многоголоваго „звѣря“, новаго всемирнаго левіаѳана, который растопчетъ народы, поглотить ихъ и поработить себѣ все?

Какъ далеко ни ушли мы отъ древнихъ апокалипсисовъ и теогоній, эти вопросы стоять передъ нами. И это не праздные гаданія обѣ отдаленномъ будущемъ, это нравственные вопросы настоящаго. Есть ли левіаѳанъ Гоббса, левіаѳанъ государства, все равно, национального или всемирнаго, высшая и окончательная форма человѣчества, его истинная и конечная цѣль? Неужели онъ есть земное божество, которому могутъ и должны приноситься въ жертву гекатомбы народовъ? Что дастъ человѣку такой левіаѳанъ, кромѣ увѣковѣченья его гнета и

рабства? Его сила не упразднить внутренней розни, не со-
здасть братства людей; его мудрость, его просвѣщеніе и знаніе,
чудеса его искусства и техники не преобразять человѣка, не
побѣдятъ звѣря въ человѣкѣ, не избавятъ человѣка отъ его
духовныхъ и физическихъ немощей, болѣзней и смерти и, глав-
ное, не искушать страданій и жертвъ исторіи, гибели прошлыхъ
поколѣній. Но съ другой стороны можетъ ли человѣчество на-
дѣяться на нечто большее и лучшее? Побѣдить ли оно когда-
нибудь въ себѣ звѣря, преодолѣть ли оно левіаэана, чтобы
осуществить иной высшій и свободный союзъ? Осуществимъ ли
идеаль Церкви Христовой, идеаль царства Божія на землѣ,—
единаго, блаженнаго всечеловѣческаго тѣла, идеаль одухотво-
реннаго, преображенаго человѣчества, въ которомъ вопло-
щается Божество истины и любви? Такой идеаль, безспорно,
достоинъ желанія и для человѣка и для человѣчества, заклю-
чая въ себѣ искупленіе отъ всѣхъ золъ. Но соотвѣтствуетъ ли
онъ нашей природѣ, достичьмъ ли онъ, составляеть ли онъ
возможную и дѣйствительную цѣль, общую, конечную цѣль
человѣчества,— это зависить отъ того, истинно ли христіан-
ство, и есть ли Христосъ дѣйствительное откровеніе живого
смысла міра—егд Логосъ или Слово. Ибо для осуществленія
такого идеала недостаточно еще ограниченнаго господства раз-
ума и добра въ человѣкѣ,— нужно, чтобы разумъ и добро
господствовали во вселенной.

Разумъ даетъ господство человѣку и разумомъ человѣкъ
побѣждаетъ природу. Но господствуетъ ли разумъ въ мірѣ и
въ самой судьбѣ человѣка, и можетъ ли ограниченный, фор-
мальный умъ человѣка, обратиться въ актуальный совершен-
ный разумъ, во всесильное божественное начало? Если разумъ
господствуетъ въ мірѣ, то онъ есть начало и конецъ міра, и
онъ долженъ осуществить, воплотить себя въ мірѣ, созида
самый хаосъ въ свѣтлое и разумное тѣло, въ образъ разум-
наго существа или въ царство разумныхъ существъ. Онъ есть
то Слово, которое было отъ начала, „безъ него же ничто не
быть еже бысть“.

Но если начало міра есть хаосъ и ночь, то и конецъ его —
въ хаосѣ и ночи, и въ настоящемъ они должны господствовать.
Хаосъ самъ изъ себя родилъ сознаніе и разумъ въ про-
цессѣ своего движенія; ночь сама изъ себя родила свѣтъ,

Тотъ гордый свѣтъ, что матерь свою, ночь,
Стремится низложитъ и съ мѣста гонитъ прочь,

Но безуспѣшио: — сколько свѣтъ ни тщится,
Къ тѣламъ онъ лѣпится, тѣламъ красу даетъ
И вмѣстѣ съ ними гибель его ждетъ.

Какъ случай хаоса и ночи, свѣтъ сознанія, разумъ, никогда не можетъ побѣдить окончательно хаосъ и ночь темную, безсознательную основу существованія. Въ самомъ себѣ, въ глубинѣ своего духа, человѣкъ находитъ эту основу въ безоговорочномъ стремленіи къ жизни, въ слѣпомъ инстинктѣ самоутвержденія, который Шопенгауэръ сводилъ къ безсознательной волѣ (*Wille zum Leben*). Разсудокъ вооружаетъ этотъ инстинктъ и служить особи въ борьбѣ за существованіе, въ сложномъ приспособленіи къ средѣ; онъ служитъ орудіемъ для успѣшнаго достиженія тѣхъ цѣлей, которыя преслѣдуется особъ подъ внушеніемъ своихъ инстинктовъ, и постольку онъ развивается и сохраняется въ смынѣ поколѣній посредствомъ естественнаго отбора, наслѣдственности и воспитанія. Но, освобождая особь отъ чрезмѣрнаго гнета жизненной борьбы, онъ и самъ, на извѣстной ступени своего развитія, эмансируется отъ своей служебной роли, отъ своей чисто технической, прикладной дѣятельности: онъ становится теоретическимъ разумомъ. И тамъ, гдѣ произошла такая эмансирація, гдѣ разсудокъ перестаетъ служить слѣпому инстинкту, — теоретическое познаніе и размышленіе неизбѣжно должны привести его къ сознанію безцѣльности, неразумія, несчастія человѣческаго бытія. При такомъ сознаніи конечною цѣлью человѣка или объединеннаго человѣчества можетъ быть лишь самоупраздненіе и борьба съ тѣмъ инстинктомъ, который заставляетъ насъ поддерживать несчастное и безмыслие существованіе. Надежды на положительное торжество разума въ дѣятельности быть не можетъ; остается только отрицаніе жизни, проповѣдь пессимизма, пробуждающаго человѣчество отъ его иллюзіи, отъ сна земного существованія.

Это два міросозерцанія, положительное и отрицательное, изъ которыхъ первое примыкаетъ къ христіанству, и второе къ индійской філософіи и буддизму. Въ настоящемъ труде мы хотимъ разсмотрѣть происхожденіе первого изъ нихъ, — того, которое признаетъ разумъ, какъ объективное всемірное и сверхъмірное начало. Быть можетъ, оно въ себѣ самомъ заключаетъ свое оправданіе: мы не можемъ понять, какимъ образомъ разумъ возникаетъ самъ собою изъ чего-либо чуждаго разуму и мы не въ силахъ объяснить его иначе, какъ изъ разума же; та реальность, которую мы сознаемъ въ глубинѣ нашего духа, толь-

свѣтъ разума, въ которомъ мы мыслимъ и познаемъ себя са-
мыхъ и всѣ вещи, служить намъ естественной точкой отпра-
вленія, и, погасивъ этотъ свѣтъ, мы должны отказаться отъ
всякаго познанія. Мы говорили уже, что всякая разумная человѣ-
ческая дѣятельность предполагаетъ вѣру въ разумную цѣль
человѣческой жизни, и мы убѣждены, что философскій анализъ
нашего разума, нашего опыта, нашихъ познавательныхъ про-
цессовъ, всего нашего сознанія, оправдываетъ нашу вѣру въ
разумъ и приводить насъ къ обоснованному идеализму. Идея
высшаго, универсального Разума возникаетъ изъ умозрѣнія,
приходящаго къ сознанію своего высшаго начала — изъ необ-
ходимаго развитія философской мысли, спрашивающей себя о
смыслѣ жизни, о смыслѣ существованія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ,
какъ мы надѣемся доказать и какъ это показываетъ христіанство,
она есть и результатъ реальнаго нравственнаго опыта, пережи-
того, сознанного и продуманнаго человѣчествомъ. Безъ такого
опыта умозрѣніе оставалось бы отвлеченнымъ и беспочвеннымъ,
не проникло бы въ убѣжденіе людей; безъ умозрѣнія самый
опытъ не былъ бы продуманъ и усвоенъ разумомъ человѣка.

Позлѣдняго происхожденіе и развитіе какой-либо идеи мы
должны, путемъ тщательнаго изученія и анализа историческаго
процесса, отдать себѣ ясный отчетъ о всѣхъ факторахъ, обу-
словливавшихъ данную идею, о всѣхъ моментахъ ея развитія.
Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ одной изъ величайшихъ
идей, которая связана неразрывно съ основными вопросами
человѣческаго духа, и ея полная история могла бы быть изло-
жена лишь въ связи съ исторіей человѣческаго духа во всемъ
ея объемѣ. Поэтому мы должны поневолѣ ограничить нашу за-
дачу тѣми вопросами, которые мы поставили въ началѣ: *какимъ*
образомъ возникла идея Логоса въ греческой философіи, *и какъ*
и почему она была усвоена христіанской мысли, обогащенная
новыми христіанскими содержаніемъ? И эта задача, несмотря
на множество крупныхъ и превосходныхъ изслѣдований, ей по-
священныхъ, представляется настолько великой и сложной, что
было бы странно и дерзко заявлять притязаніе на ея окончатель-
ное рѣшеніе. Историческое самосознаніе человѣческой мысли
не можетъ быть дѣломъ отдѣльныхъ ученыхъ или философовъ;
оно есть результатъ великой и неуставной коллективной работы,
и самое скромное участіе въ ней вознаграждается сознаніемъ
значенія и плодотворной силы этого общаго труда.